

Базан Чеслав

Колпашево. 1941-1943 гг.
(Фрагменты из записной книжки ссыльного поляка)

...10.07.1941. Восьмого целый день шел дождь. Вечером мы должны были перенести багаж в клуб, начался вывоз в колхозы; мы были в третьей группе. Поселок, в который нас высадили с парохода, называется Тогур... Выехали мы оттуда вчера на двух подводах.

Приехали в Колпашево, а точнее в "рабочий поселок" возле строящегося кирпичного завода. Дорога шла через плоскогорье, спускающаяся круто вниз к реке, а дальше, за рекой виднелась низменность, поросшая деревьями, Прекрасный пейзаж: поля и нестарые сосновые молодые леса. В лесу есть грибы. Сосновые шишки (на самом деле кедровые), съедобные. В лесах множество комаров и мошкар, невозможно от них отмахнуться. Ночевали мы в недостроенной сушилке кирпичного завода. Землянки стоят, похоже, 500 рублей. Сегодня нас должны распределять на разные работы. Боюсь, что нас всех отправят на кирпичный завод! Хотим сходить за грибами, но не знаем, можно ли. В город выходить не разрешается! Покупаем молоко по 2 руб, за литр.

Из знакомых здесь: Богдановичи, Михалевские, Покрышко. Матушка хочет поселиться с семьей Покрышко. Неизвестно, сколько будет стоить квартира. Вчера и позавчера не было известно: или мы остаемся тут, или выезжаем.

11.07.1941. Сегодня первый рабочий день. Мы переносили высушенные кирпичи в определенное место. За тысячу сделанных кирпичей платят 9 руб. с копейками, за перевоз тысячи кирпичей – 2 руб. 50 коп. Можно жить! Делать кирпичи очень тяжело. Ну и глупые же эти люди или прикидываются таковыми (что работают за такие мизерные деньги)?

Матушка была в городе. В магазинах тоже, что и обычно. Купила 1 кг сахара. Суровинская хочет переехать в Тогур к брату. (Неожиданно нашелся? До этого о нем ничего не было слышно.). Похоже, что вся она распухла от укусов мошки.

Утром и вечером шел дождь. Наша крыша протекает, но, к счастью, не слишком сильно. Богдановичи совершенно промокли, так как находятся на краю сушилки.

Не удастся сходить по грибы. Заканчиваем работать в 6 час. вечера! У нас большой перерыв на обед. В это время кто хочет – ходит на работу. Подобным образом будем работать 2 месяца, а после этого нас должны куда-то перевезти. Местные жители тоже переселенцы-кулаки. Перевезли их в тайгу 10 лет назад.

У реки очень болотистые берега, и вообще грунт тут везде глинистый. Когда идет дождь, то сразу же везде получается болото. Всё не так уж и плохо. Было бы хорошо, если бы матушка работала в столовой. Хуже с жильём.

Жалею, что взяли с собой столько вещей, а не продуктов – муки и зерна. (Не подумал, что до этого времени наверняка бы все испортилось. Вещи же прослужили еще несколько лет, и жили мы за счёт того, что их продавали). Из-за того, что таскал кирпичи без рукавиц, содрал кожу на ладонях. Нужно будет в воскресенье пойти в город и купить какую-нибудь хорошую карту. Жаль, что из дома не взял атлас. Товарищи совещаются по поводу возможного побега. Каждый день покупаем молоко.

Когда будет идти дождь, не сможем спать. Хорошо, что взял резиновый плащ - он нас защитит. Тут как зимой – когда ветер начинает дуть, то это на несколько дней. Нам "домик" легонький: дощатые стены сбиты, как забор, из отдельных щитов, и их можно выставлять и приставлять. (Разместили нас временно в сушилке кирпичного завода. Это было вроде деревянной крыши, поставленной на несколько десятков столбов. Они составляли внутренний коридор с расположенными по обеим сторонам специальными камерами размером примерно 2х3 м. Клетушки были разделены поперек жердями, прибитыми к столбам. Каждая семья занимала одну из них и обживалась, как могла. Сушилки можно было изнутри сбить, ставя деревянные щиты...)

Кто-то брэнчит на абсолютно расстроенной балалайке. Кусают вши!

Теперь уже ничего бы не возражали по поводу 5-ти руб. в день у пана Коханьского на дороге в Пружаны. Тут даже не заработаешь и 2-х руб. Только и есть одна выгода, что у нас больше хлеба и супа, сегодня даже с мясом.

Коллекция марок у меня с собой, но разве можно ее в таких условиях рассматривать!

Пан Ян Михалевский хочет выхлопотать жилье на 4 семьи.

Наверное, дождь будет лить целую ночь?

Семилетний конь тут стоит 2 тыс. руб. Что, дешево? У нас зимой можно было купить коня действительно задарма.

13.07.1941. Интересно, прочитаю ли когда-нибудь то, что написал. Хуже будет с написанным, так как сотрется. (Дневник писал аж до ноября обычным карандашом, и, само собой, в некоторых местах он стерся. Его первую часть уже после войны поправил чернилами).

...Сегодня мы были в городе. Он широко раскинулся и получил свой статус недавно. Улицы очень широкие, не мощеные, с газонами по обе стороны. На газонах трава и "дикий" кустарник. Тротуары деревянные, как и в Пружанах на ул. Млынарской, только шире. Много школ и магазинов. На всех учреждениях висят флаги с боевыми лозунгами. Лозунг дня: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами"...

Как оказалось, город целиком мы не обошли. Не были мы в музее и в "культмаге" (книжном магазине), на почте (может быть, есть какие-нибудь интересные марки). Не смог купить карту, так как магазин «когиз» был закрыт. Купил местную газету "Советский север". Основные бои 10 и 11 июля шли на направлениях: Островском и Новгород-Волынском. Неужели

немцы уже не продвигаются? Иногда боюсь, что у них не хватит достаточно сил, чтобы дойти до Урала. Что тогда будет?

Исходя из военного положения, у нас был день, когда мы должны работать до полудня, хотя и в выходной, но часть людей открутилась, в том числе и я. Мы купили конфет и сахара. Конфеты хорошие, облиты шоколадом, по 18.30 руб. за килограмм.

Забыл о самом главном! Мы переехали вчера в дом! Это государственное здание, мастерская, называемая «хомутней». Сколько будем платить – пока неизвестно. Может, ничего?

Тут нас 14 чел., т.е. 4 семьи: мы, Михалевские, Поздняко, Кузьмицкая с сыном. Живём все в одной комнате, в углу которой стоит кухонный стол. Жильё находится над речной долиной. Эта река не Обь, а только какой-то приток, а Обь протекает за ним. Сейчас нас будут гонять на работу, ссылаясь на войну. А потом напишут, что трудились мы добровольно и по своей инициативе работали по 10 час. и выполняли 200 % нормы.

Народ тут чистый, и, похоже, в землянках очень чисто. Вдоль крутого берега над рекой видно целую вереницу землянок. Они наполовину в земле и ею же засыпаны сверху. Интересно, сыро ли там во время разливов? (Глина не пропускает воду и осадки).

Тут же готовятся к сбору ягод. В огородах нет цветов, только в окнах видно герань и петунью.

Ну, эта старая К., стервозная баба, вечно с гримасой на лице, как будто она выпила уксус. Обращаешься к ней по-польски, она отвечает по-русски. Наиболее дружелюбен здесь старый пан Михалевский, который всем помогает, и вообще радеет за порядок. Этот его несносный внук постоянно делает все наоборот, хотя дед бьет его ремнем (довольно легко).

В доме много гигантских клопов.

Калинин отправил послание Рузвельту по случаю всенародного праздника в Америке. (До тех пор этого не делалось). Англия выдвинула ультиматум французским властям в Бейруте, чтобы они капитулировали, а не то англичане начнут штурм. Французы этот ультиматум не приняли. Срок истекает 10 июля. Наверное, Бейрут завоеван.

Комары так покусали мои руки, что они целиком в волдырях, воспалены и зудятся.

Бедная пани Урбанская (мы узнали, что она где-то недалеко от Колпашева вниз по Оби). Она научится немного самостоятельности. Должна лучше держать детей при себе.

Наше меню следующее: утром – молоко, хлеб, в обед – суп, на ужин- чай, хлеб. Перед нашим домом стоит так много разных механизмов, которые достаточно было очистить, а их никто не налаживает. Стыдно.

Думаю – из чего бы тут сделать шахматы.

От этих кирпичей поободрал кожу на руках, и болят мышцы. Не знаю, как буду завтра работать...

Матушка больна, у нее температура. Должна была завтра пойти на работу, но не пойдет.

От часов отломилось "то", чем заводят. Может быть, удастся наладить. Все в доме лежат, отдыхают. Интересно, где папочка? Может, у немцев? Хоть бы, хоть бы! (Угадал.).

Если Советы выиграют войну, то мы не вернемся на родину. Наверное, будет революция, но тут о революции речи быть не может. Все люди такие пассивные, что не способны хотя бы на какое-то движение. Революция может быть тогда, когда немцы выиграют и когда совсем нечего будет есть, когда власть развалится. И если бы с другой стороны Япония...

Нечего делать, нет никаких книжек. Нужно было бы купить марки, это единственная отрада.

8.09.1941. ...Мошка, несмотря на мороз, не отступала и кусала так, что у меня до сих пор остались следы (комары уже отошли). Нам должны были давать нормальное питание, а давали только сухари, протухшую рыбу и лук (для чего?) и однажды – 100 г масла. "Много"! Ягод мы съели столько, что язык заболел....

Неожиданно 5 или 6 сентября вечером приезжает бригадир Устюгов с распоряжением о том, чтобы нас как можно быстрее доставить назад. Сразу начались догадки, что, наверное, будут выплачивать полякам деньги и что выезжаем обратно. Двинулись мы сразу, в этот же день или на следующий. Первый день мы шли пешком в быстром темпе, около 40 км. Раньше той дорогой мы ходили по ягоды и тратили около 3-х дней. Как никогда уставшие, вечера мы добрались до какого-то колхоза или молочной Фермы на Оби, где нас накормили, и упали замертво спать в какой-то избе. На следующий день пароходом мы вернулись в Колпашево. Оказалось, нам заменили постановление: "20 лет" на другое: "Можно перемещаться по всей территории СССР". Проще говоря – амнистия! Было это 4 сентября в 8-00 (Мы, опоздавшие, получили документы 8-го или 9-го. К сожалению, не взял копию этого документа, а жаль. Амнистия дошла до нас спустя пять недель со дня подписания соглашения Сикорский-Майский).

Матушка купила картошки и масла. Она сшила мне куртку-фуфайку. (Ватные штаны и куртки – это была традиционная одежда местных жителей. После войны они распространились и у нас.).

У нас новый бригадир, какой-то калека.

Кое-кто из женщин – Покрышко, Богданович - сбежали с работы, и их вызывали в сельсовет.

Сегодня мы отправили прошение в посольство в Москве о предоставлении нам польского гражданства. (польских паспортов).

В городе повсюду тишина, так как прошла мобилизация в армию. Вещек не хочет ходить в школу, (русскую), т.к. над ним смеются.

Несколько семей переведены из сарая в барак.

Наконец-то купил географический атлас. Альбом для марок стоит 22 рубля.

14.09.1941. Воскресенье. Из-за амнистии никто из поляков на работу не пошел, кроме комсомолки Нины П. Вообще, с ейчас работа тут идет кое-

как. Бригадир не может двигаться, калека, и вдабавок ничего не знает. Каждый делает что хочет.

Правда, не хотел бы я быть на месте этого бригадира! Он много перенес: парализован на один бок и страдает эпилепсией. Никто не мог ему помочь, пока один из врачей не решился на операцию: на черепе! Операция длилась 3 часа без наркоза! Вынули у него часть мозга. Во время операции с ним случился приступ эпилепсии, и мозг ему был вложен снова. Недавно у него снова случился эпилептический припадок. После операции его вынесли в морг, т.к. думали, что он умер, он лежал там 3 дня. Это ли не мучения? (Передаю эти слухи, которые узнал через одну из наших "хорошо информированных" знакомых. Написал так, как она рассказывала.) Страшно без наркоза вынимать мозг!

Матушка заработая за этот месяц очень много – аж 120 руб.

Новости с фронта: немцы заняли 1.09. Днепропетровск, а 12.09. – Чернигов. 10.09. Молотов принял посла Болгарии Стамерова и заявил ему, что позиция Болгарии противоречит дружественным соглашениям...

29.05.1942. Мы нагружали и разгружали баржу без остановок 24 часа. Человек после такой работы чувствует себя разбитым. А вдабавок, после обеда позвали копать картофель.

Мы должны были перейти на новое место жительства, но как-то до сих пор не нашлось для нас места. Перешли только Ковальчики и Шпаки. Снова проводится "чистка". Берут в армию уже спецпереселенцев, тех, которые пробыли здесь 11 лет, бывших кулаков. (Некоторым из тех молодых людей не удалось долго пожить. В конце зимы, где-то в марте, встретил я заплаканную дочку бригадира Аренина. Я знал всю их семью, поэтому спросил о причине такого переживания. "Паша убит", – ответила она сквозь слезы. Получили сообщение о гибели ее брата где-то на Финском фронте. (А в армию его взяли всего лишь в сентябре 1941 г.!). Везде плачут, в "Кирпичнике" остается только двое мужчин. Забирают много людей, но, полагаю, что на работы. Думаю, что таких людей на фронт не пустят – сразу бы удрали. (Здесь мои предположения оказались в основе своей неправильные). Похоже, что немцы сделали подарок доблестным бойцам Красной армии и скинули с самолётов по ошибке 2 тонны колбасы. Это хватит им на 10 тысяч человек по 200 г.

К вопросу о нашем выезде: Мицкевич, вероятно, отправил Конецкому, который должен был к нам приехать, сообщение. Его просят подождать побывавшего у нас военного со сведениями, что нас не выпускают. Конецкий должен на днях приехать и забрать с собой, насколько это возможно, наших. И тут встает важная проблема: на человека можно будет взять только 16 кг багажа. На нас троих получается 48 кг. Итак, следовало бы взять с собой самые лучшие вещи, а оставшиеся распродать. А если нас не вывезут, то не нужно продавать, т.к. позднее лучше поменять их на продукты. Так плохо – и так не лучше.

Возник инцидент с Саутычевой. Во-первых, при заработке около 1000 руб. она не подписала займа, а это повод для зацепки. Хотели осудить ее за то,

что присвоила себе какие-то тряпки (видимо, работала в прачечной или швейной мастерской) и 25% налогов в течение 4 мес. На это она вообще не вышла на работу. Так как она причинила большой ущерб артели, об этом деле узнал НКВД. Приказали ей выйти на работу, в противном случае пригрозили выслать на принудительные работы. У Саутычевой, которая итак к этому времени страдала болезнью сердца, случился инфаркт, и ей должны делать операцию. Ещё одна жертва судьбы!

3.06.1942. Уже июнь, а ведь мы должны были выехать в мае первым пароходом. Вешек ходит в польскую школу. Учит Сурвинская, 2 часа в день. Мы живем уже в красном уголке. (Это деревянный дом из 2-х половин, расположенный недалеко от конторы "Кирпичника" и предназначенный для политической пропаганды, местопребывания партийной, комсомольской организации и т.п. Использовался временно для жилья из-за нехватки свободных помещений). Теснимся шестером с семьей Покрышко в одной проходной комнате размером 2х5 м. Вторую комнату заняла семья Глуховых, русских. Другим, заслуженным, дали отдельные помещения, а остальные пускай теснятся – Шпаки, Ковальчики. Хуже всех устроились Кудрявцевы. Им сказали перейти "под контору", т.е. на первый этаж 2-этажного здания, верх которого занимала контора "Кирпичника". Но там уже жили Ольшкевич с Бондаренко. Пускай поляки ругаются между собой и выгоняют друг друга. Сами затеяли, а ведь знали, что расплачиваться за все им придется. Начался скандал. Пришел милиционер и сказал, чтобы шли в саму контору! Бедные, все время просидели во дворе и только ночью вернулись обратно в ясли.

Сейчас я вожу глину. Не так страшен черт, как его малюют! Правда, вожу я только для 4-х формовщиц. В нашем новом жилье кухня – общая с Глуховыми. Кроме того, у нас проходная комната. А они поздно ложатся спать и рано встают, так что мы должны к ним приспособливаться. Целый день работает радио. Плохие дела с топливом, т.к. дрова нужно носить издалека (предыдущее жилье – ясли – были недалеко от леса). Живем возле конторы, но не можем пользоваться добром артели (т.е. подбирать древесину, валяющуюся по всей территории).

Всех мужчин от 18 до 60 лет переписывают для армии (или на работы?).

Продал свой альбом марок за 50 руб. Здорово, да? Даже не предполагал, что оставлю в Сибири память о себе. Не знаю, придется ли продать все марки. Это было бы ужасно. Работа 10-ти лет жизни пошла бы "коту под хвост". Альбома не жалко, поскольку мне его все равно подарили, а марки!.. Уже тут вложил в них не меньше 40 руб. Зернышко к зернышку...

5.06.1942. Покрышко нашла свою сестру, просматривая список в газете (наверное, в газете "Польша").

С низовьев Оби приехал представитель тамошних поляков, человек энергичный. Едет дальше в Новосибирск. Просили его об участии в нашем деле. Там, ниже Колпашева, получают по 50 руб. помощи на человека,

обувь, одежду, спички и все, что необходимо, Но он для этого тоже старается. Наш М.З. по сравнению с ним страшно беспомощный. Евпавлова выехала с дочерью в Томск, должны отдать ее в больницу. У Саутычевой, вероятнее всего, рак, ей будут делать операцию.

9.06.1942. Напало на меня какое-то желание писать. Думаю, можно было бы написать книгу. Не повесть, а просто очерки о нашем неожиданном путешествии...

В Тогуре утопился польский мальчик.

10.06.1942. Мы копаем землю под капусту, будем "настоящими сибиряками". На тоже самое делают другие.

Пани П. перестала с нами разговаривать, потому что мы не даем ей ничего взаимы без возврата. Она переключилась на Саутычевых и тянет из них, как может. То молоко, то хлеб, то еще что-нибудь. Интересно, когда и они все поймут? И удастся же ей не работать, а хлеб получать в 2-х местах. То пособие, то что-нибудь продаст, то возьмет что-нибудь у кого-нибудь – и так без конца. А планы у нее меняются сто раз в день!

10.06.1942. Снова много новостей:

а) 26 мая между Англией и СССР подписано 20-летнее соглашение о взаимной помощи во время войны и невмешательстве во внутреннюю политику;

б) Мицкевич 11 мая уехал в Новосибирск;

в) Конецкий где-то недалеко;

г) Пришло распоряжение переписать сирот и полусирот до 16 лет, будут вывозиться в Индию. Покрышко получила предложение (от кого?) выехать в Новосибирск, но одной ей ехать не хочется, а составить ей кампанию желающих нет.

В прошлом месяце я заработал 102 руб. Много, да?

Сегодня страшная жара, и, вдобавок, сухой ветер.

Матушка продала клеенчатый плащ за 400 руб, и купила масла (250 руб. за кг), меда (70 руб. за кг) и картошки (35 руб. за кг). Цены немного упали...

18.06.1942. Сейчас каждый день покупаем литр молока – в месяц 240 руб! Я почему-то простыл, чувствую себя как-то глупо! Сажу дома.

Ни Мицкевич, ни Конецкий еще не приехали.

Вчера было холодно, ветер и дождь - совсем осенняя погода. И подумать только, что у нас уже созревает пшеница, а тут ещё сеют. Картошка еще не везде взошла. Необходимо немного написать о здешних жителях. Они делятся на 3 "класса".

1. Партийные – это самые большие шишки. Они имеют свои столовые, магазины, получают много денег. К ним относятся: учителя (?), сотрудники НКВД, начальники и т.п. Они имеют свободу передвижения.

2. Местные – это старожилы, царские переселенцы. Обычно, это верующие люди.

3. Спецпереселенцы – это люди разных национальностей, бывшие "кулаки" и "помещики". Они в худшем положении. У них нет паспортов, и они не могут менять место жительства и работы. Они являются, проще говоря, париями – самой низшей кастой, и занимаются, как правило, самыми тяжелыми работами. Так повелось, что даже жениться между собой "старожилы" и "спецы" не могут, т.к. в этом случае произойдет деклассация. Некоторые из них должны ходить отмечаться в милицию. В армию или на наемную работу – их стали брать совсем недавно. Они недовольные и ворчат на советскую власть, а вообще, подлизываются, как затравленные псы. Они находятся на других правах, нежели свободные люди. Не могут вступать в партию. Различные ограничения свобод распространяются и на их детей.

Нормальных браков тут нет. Идет парень с девушкой в ЗАГС – и регистрируются. Делает ей ребенка. Потом, если его все устраивает – остается, а если нет – разводится. Имущество супруги делят между собой, а ребенка берет либо она (с алиментами), либо он. Потом опять, если захочет, может соединиться с другой – хоть на месяц. Хуже всего при этом ребенку, т.к. он зачастую оказывается брошенным... Иногда снова бывший муж приходит к своей первой жене – такой случай был в "Кирпичнике". Вот такие парадоксы. Вообще, парень там, где ему лучше и где больше "любовь". Как тут может существовать семья, когда дети живут без родителей, а жена – «старая дева»? Но здесь на это не смотрят. И если ей удастся, то она найдет себе другого "мужа", хотя бы на одну ночь. (Как видно, я имел критический взгляд на институт гражданского брака; считал брак, заключенный в костеле, наиболее значимым)...

29.08.1943. Свежие новости:

1. Формируется новая дивизия Войска польского им.Г. Домбровского.
2. По радио передают известия на польском языке.

3. Самая главная новость: явиться 31.08. в 10 час. В Нарымский окрвоенкомат «для прохождения призыва в армию». Берут меня, матушку (видимо, и ей прислали такую повестку) и много наших. Настроение поднялось, и радость во всем городе (естественно, среди польской общины). Белорусов и украинцев не берут. Но и Покрышко повестку не принесли. Черт знает, что это за политика.

А может быть ничего из этого не получится? Может, никуда не отправят? Ведь мы уже столько раз ходили. Я, например, был там уже 3 раза. Может быть, и на этот раз ничего?

Каждый раз я радуюсь, ибо тут уже сидеть надоело. Будут новые места, новая жизнь. Нет худа без добра. Вот только – что будет с Вешком? (Считал себя его опекуном).

Ну, об этом потом. Пасмотрим на события во вторник, Мне хотелось бы выехать потому, что: а) замету следы своих "преступлений" на работе (получение хлеба по продовольственным карточкам курсантов); б) с 15-го числа мы должны ходить на копку торфа, нам определена норма добычи в

300 куб. м; в) перемена места, движение; г) выберусь хоть частично из ада; д) приобрету новую профессию. Итак, ждем до 31 августа.

5.09.1943. Выезд не удался! Мы должны были выехать сегодня, но из-за того, что я не сдал кассу, остался до 10 сентября. Мне это неприятно, но что поделаешь? Сегодня будут отправлять в армию первую партию поляков. Мы – следующая очередь – может быть, еще их догоним. Я зол на директора, так как это из-за него я не передал кассу. С другой стороны, это, может быть, и к лучшему – заготовлю еще немного дров для печи. Другое дело, что мы не должны были разлучаться с Янкой Покрышко (была тоже призвана), но ещё посмотрим. По крайней мере, это желание не мое, а пани Покрышко, Игнатий Бурм тоже отложил свой отъезд, чтобы поехать вместе со мной. Это мне нравится - друг!... Хвостовский не едет, и вообще, наших осталось ещё много - 14 чел. Наверняка еще будет следующий набор. Только молодежи окажется немного, самый "цвет" уехал.

Сейчас дни будут тянуться медленно – целых три дня... А ведь еще даже один не прошел. Эта отсрочка имеет и положительную сторону - возьму сейчас больше хлеба в дорогу, а то его у меня было мало. Нет худа без добра. Может быть, мы не будем долго воевать? Провожают нас очень торжественно, относятся доброжелательно, дают в дорогу денег и продукты. Янка тоже поедет сегодня-завтра. Я должен распланировать дни так, чтобы они казались как можно короче. Кажется, нас должны везти в Москву. Там местопребывания Союза польских патриотов; Там будут приветствие; мобилизационная комиссия. Может быть, даже отошлют обратно?

Ковальчик, зтот великий пустомеля, едет. Может бить, немного прикроет рот. Броник Дуда остался, болеет малярией.

Никогда не подозревал, что пойду в эту "проклятую" армию Василевской. Однако все это произошло достаточно неожиданно. 31 августа мы были на медицинской комиссии, и я предполагал, что нас возьмут между 10-м и 19-м. Я даже переживал, что так поздно. Мне хотелось, чтобы это было скорее – и вот тебе на, слово стало делом. Только бы быстрее прошли эти 3 дня!!! (Помню до сегодняшнего дня медицинский осмотр: в комнате очередь голых людей выстроилась перед комиссией, в которой сидели несколько женщин. Я был в замешательстве. Несмотря на 2-летнее пребывание в этих местах не ко всему ещё я оказался привычен. И еще одна зарисовка из работы призывной комиссии. Офицер, просматривавший мои документы, понял, что я не закончил среднюю школу. И сказал: «Отправим Вас в офицерскую школу». На что я с сомнением обратил его внимание на свое плохое зрение. Он на это: «Ничего, дадим очки – и все будет хорошо». Первая часть его прогноза сбылась через год, а очки я купил себе только в 1945 г. в Катовицах. Их отсутствие не давало мне поблажек в военной службе.

Сегодня маршировали перед нами новобранцы 1926 года рождения. Мужики ростом 1 метр, ниже винтовки. Наши, хотя и не тренированные, промаршировали с первого раза, как старые вояки...

(Тем летом подружился с молодым парнем Павлом. Он приглашал меня к себе домой, а жил он в землячке недалеко от "Кирпичника". Был человеком спокойным и серьезным. Я пробовал учиться играть на его гармонии. Призыв в армию прервал это – и не только это знакомство).

9.09.1943. Сегодня или самое большое завтра должны выехать. Только поляки. Белорусов и украинцев не берут. Русские едут отдельно. Нас 18 чел., будем догонять тех, кто выехал 6 сентября. Еще одна группа едет 16 сентября.

Голова у меня уже лысая. Был в бане, в горздраве и тому подобных учреждениях. Мы должны ещё достать продукты в дорогу.

С Богом!

Прочту ли я когда-нибудь это?

На этом кончается часть дневника, посвященная пребыванию в Нарымском крае. Я начинал свой обратный путь на Родину! Это была огромная радость, о которой не имеют понятия современные молодые люди. Даже те, которые живут сейчас за границей, находятся в совершенно иной ситуации и не чувствуют так разлуки с Родиной.

Мы выехали из Колпашева 10 сентября, около полудня, хотя готовы были к отъезду уже за день до того. Нас задержал пароход, который должен был прибыть только в 3 час.ночи. Мы разошлись на отдых к знакомым, жившим неподалеку от пристани. Каждый из нас нес на спине толстый мешок с едой и одеждой. Я провел эту ночь у пани Дзюбановской из Пружан, хорошей знакомой моей матушки. Наверное, она была по профессии поваром, поскольку всегда прекрасно готовила. Да и полнота у нее была соответствующая. Я вспоминаю о ней с благодарностью за тот последний ночлег.

Дневник я вел и дальше, но уже в другой записной книжке, и дорогу до своей земли опишу при другом случае. Я воевал в армии Войска польского и домой вернулся в июле 1944 г. целым и невредимым.

Чему же меня научило 2-летнее пребывание в Колпашеве? Я познакомился с жизнью простых советских людей и со многими из них подружился. Удивляли меня их стойкость в преодолении трудностей жизни, то, как они выносят тяготы войны и строят (несмотря на мое критическое к этому отношение) социализм.

Ссылка потрясла меня насильственным переходом от размеренного существования школьника к бурной жизни взрослых людей; от роли подопечного – к роли кормильца семьи. При этом оказалось: прекрасные идеи добра, справедливости, уважения и т.п., которые прививала нам литература, семья и школа, в реальной жизни применяются и реализуются очень редко. Это стало основой моего скептицизма и частичной переоценки ценностей.

Прежде всего, я познал на собственном опыте, что человеку для жизни требуется совсем немного еды, одежды и какой-нибудь крыши над головой. Я научился довольствоваться тем, что есть, и до сегодняшнего дня смотрю

на людей, гонящихся за тряпками или отдающихся утехам своего желудка, с иронией, а может быть – и с презрением. Оказалось, что главная потребность человека – он должен есть! Мысль является естественным продуктом человеческого бытия, но это бытие должно быть гарантировано куском хлеба. Физическая работа является человеческой необходимостью. Она основа не только благосостояния, но и жизни. И должна существовать, соответственно истолковываться и оплачиваться. Мысль является единственной способностью человека, которой его нельзя лишить: всё остальное можно отобрать.

И ещё один вывод: если ты мог тяжело работать на чужбине-будешь, не сетуя, работать для Родины!

Авторская рукопись. Перевод с польского А.Гузеевой.